

ШЕВЕЛЁВА ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА,

краевед

РУССКАЯ АТЛАНТИДА ИЛИ НЕИЗВЕСТНАЯ ИСТОРИЯ ДЕРЕВЕНЬ

*Как павшим воинам в полях сражений,
Здесь памятник ушедшим деревням,
Стоявшим до конца средь потрясений
И жившим вопреки суровым дням...*

(Т.Шевелёва)

1.

Работа с архивными документами позволяет совершить удивительное путешествие во времени, дает возможность посмотреть на знакомые места по-иному. Какими были окрестности, территория современного райцентра Липин Бор триста лет назад, в которые вошли деревни Горшевская, Поньринская, церковная земля? Давайте внимательно рассмотрим старинную карту Новгородской губернии Кирилловского уезда 18 века.

С высоты птичьего полета вдали синее озеро, рядом видны крошечные фигурки косцов, их косы время от времени поблескивают на солнце, а внизу, под нами, причудливо петляя, бежит Боровка. Очертания русла один к одному укладываются в сегодняшнее лоно. Но вместо привычной зеленой полосы соснового бора по обеим сторонам речушки и вширь, и вдаль тянется обширная пашня, к югу по левому берегу - в сторону села Муньга, а на северо-восток - до деревни Кокуринская Васильевская тож и далее ... Продолжаем путешествие.

2.

Ближе к устью реки, на крутом берегу виднеется деревянная церквушка. Камнем она оденется только в 1792 году. В «Экономических

примечаниях к планам дач Генерального межевания» отмечено, что «писцовая церковная земля церкви Живоначальной Троицы что на Липине Бору составляет 178 десятин, 2067 сажень, куда входят покосы, пашня, лес дровяной... Находится на левом берегу речки Боровки и по обе стороны большой Столбовой Каргопольской дороги... Но по писцовым книгам 1622 и 1627 годов (на них ссылается **Переписная книга 1710 года**) земельная площадь была значительно меньше. Послушайте.

«На погосте церкви Живоначальной Троицы церковь Благовещения Богородицы деревянная на церковной земле ...в деревне поповской... четверть пашни на при... осмин в поле а в дву потому же ... и на отхожих пожнях восьми копен». Необходимо пояснить данную запись, так как здесь упоминаются непривычные для современного уха старинные единицы земельной площади в зависимости от вида угодий.

До проведения Генерального межевания площадь пашни измерялась не в десятинах, а в «четях» или полу десятинах. Четь в свою очередь подразделялась на осьмины (пол чети) или третники (треть чети) и т.д. Как пишет ученый В. С. Кусов в книге «Измерение Земли: история геодезических инструментов», при существовании в ту эпоху трехпольной системы земледелия измерения выполнялись лишь на одном из трех участков, а затем, исходя из предположения об их равенстве, полная площадь землевладения определялась выражением «25 четей в поле а в дву потому ж». Площади, занятые лесом, в писцовых книгах описываются приблизительно, типа: «лес в длину версты три, поперек – полторы».

Своеобразно, по результатам урожайности измерялась и площадь сенокосных угодий, а именно, в копнах. В конце 17 века, а именно в Наказе 1684 года рекомендуется делать перерасчет, исходя из соотношения 10 копен равно 1 десятина. Чему же равна десятина? Размер одной приблизительно составляет 1,12 га. Или, если изобразить графически, это будет прямоугольник со сторонами 80 на 30 сажень, как информирует В. С. Кусов в вышеназванной книге.

Но земля без людей – сирота. Кто они, эти люди, которые здесь жили, давали приют убогим и сирым, духовно «окормляли» паству, обслуживали церковные службы, требы и т. д.?

3.

Читая писцовую книгу «Переписная книга Суцкого и Заозерского станов Белозерского уезда 1670 года» времени царствования Федора Алексеевича переписи Ф. И. Потемкина, мы словно слышим живой голос седого времени.

«В волости Липина Борку Погост, а в нем церковь «Живоначальная Троицы да вторая церковь Благовещенья Пресвятой Богородицы». На церковной земле да у тех церквях поп Алфим Родионов с детьми в своем доме...с Тимошкой, которому семь лет, да сын Васька – трех лет. «Безместный поп Иван Захарьев сын Соколицын, а живет у церкви Живоначальная Троица. У него попа Ивана сын Ивашко. На погосте две кельи, а в них просвирня вдова Уляница Микифонова жена Савельева». «В келье нищие Левка Матвеев да Сенка Фомин, а питаются они с церкви Божий...» (с. 508).

Спустя сорок лет (перепись 1710 г.) данная картина изменилась: увеличилось число проживающих, указан размер подати.

«...В той же деревне (поповской) во дворе попа ...Осипов тридцати пяти, у него жена Евфалья, тридцати; сын Фёдор, трех (лет), дочери девки Маремьяна - пяти, Марья – четырех; сестра девка Наталья тридцати, глухая...».

Во дворе пономаря Тимофея Анфимова пятидесяти пяти (лет) жена Марья - тридцати шести. Дети: Емельян - 12 лет, Архип – 8 лет, а «оплата на них денег платил он пономарь по двадцать почти алтын по четыре деньги в год, а с детей своих оброку не плачивал». Писец подводит итог, что «десятиных денег с тех церкви и ново оплачено з сбору богадельных и вполни (полностью) священником на Вологде в архиерейскую казну...

Платит он поп с причетником по два рубли по пяти алтын по данной деньге в год ...». В данной записи нужно пояснить, что за новый оброк («ново оплачено») упоминается в 1711 году. Вероятнее всего, речь идет и о «Сборе денег с попов и дьяков за драгунских лошадей с 1707 года».

Всего в тех дворах (на церковной земле) проживает «мужчин шесть и женщин семь человек и в келье просвирня Анна Прокофьева дочь ... да нищая вдова Афинья Лазарева дочь восьмидесяти пяти лет, слепа. В келье нищая вдова Александра Петрова дочь, пятидесяти лет. Того в кельях нищих женщин три человека. Одна келья пуста, а в ней жил нищий помещика Ильи Михайлова сына Кузьмина бобыль Иван Деньков, в прошлом 1709 году исчез безвестно».

Писцовая книга 1710 года подводит итог: в Липинской волости две церкви поповых, причетника три двора, в них причетников: муж. – 6, жен. – 7 человек. Нищенских две кельи, в них муж. - 3 человека. Помещичьих 30 дворов, в них проживает дворянского чину: муж. - 24 , а жен. 0- 33 человека. Дворовых - 17 человек, скотных два двора, в них муж. - 12, жен. - 13 человек.

Крестьянских и бобылишных (от сл. «бобыль», т.е. без хозяйства) – 88, налицо жилых 34 двора, в них муж. – 152 и жен. – 138 человек. Пустых 26 дворов, пустых дворовых мест - 14. По сравнению с данными ранней переписи 1670 года наблюдается определенная динамика в количественном составе населения данной местности. Сравните.

По переписным книгам 1678-1679 годов всего по волости Липина Борку за помещиками в поместьях 53 крестьянских двора, а людей в них – 210 человек. Да 21 двор бобылишный, в которых людей - 55 человек. Итого: крестьянских и бобылишных было 74 двора, а людей – 265 человек. После 1688 года отделенных пустых дворов пять. Итого: пустых дворов 23 жеребья (крестьянский надел, «тягло»), пашут на помещика, 22 жеребья пусты, и никто ими не владеет (стр. 532). Видим, что вышеназванная волость с Погостом Троицы в центре была небольшой. В списке хозяев поместий 17

помещиков, владевших деревнями Левинская; Другое Федотовское Гришина (Грищакова) Гора тож; Лукьяновская Луковицына Буслаевская тож; Олешник (Алешник); Горшковская; Поныринская Митинская тож; Конечная Еремиевская тож; Кокуринская Васильевская тож; Шулгино; Телячья Гора (Горка); Липник; Макино с деревнями Бачурова (Бачаурово), Турина; Садунина; Глухарева; Савинская; Щукина; Усова; Нефедовская; Логинова; Веснина; Липинская (Липина) Макутино тож. Двойные и тройные названия в 18 веке не являлись редкостью. Из перечисленных - большую часть время давно стерло из памяти людей, когда - то населявших эту землю.

4.

Продолжаем наше путешествие по старой карте Кирилловского уезда Новгородской губернии 18 века.

Сверху хорошо видно, что Храм является центром, от которого в разные стороны разбегаются дороги: среди них большая Столбовая Каргопольская, волостные и полевые, связывающие соседние деревни.

Спускаемся с небес на землю. Возвращаемся к церкви, стоящей почти вплотную с большой дорогой (на карте она обозначена как «дорога из города Кириллова в город Каргополь»). Пройдя несколько десятков метров вниз, к речке Боровка, через прочный деревянный мост попадаем в деревушку.

Первый встречный мужик на наш **вопрос о названии** сказал бы, что это деревня Егорьевская. Да, да, не удивляйтесь! Карта сохранила одно из старых названий поселения, которое липиноборские старожилы помнили как Горшевская.

По материалам **Генерального и специального межевания Кирилловского уезда Новгородской губернии 1780 года** можно проследить, как менялся вышеназванный топоним. О самом первом сказать невозможно, так как наша вашкинская земля очень древняя, но о «Егорьевской» теперь вы знаете. Позднее на том же самом месте была

деревня «Горшкова», «Горшовка», затем «Горшевский Бор», «Горшковская» и как облагороженный вариант - «Горшевская» (18-19 век), а последний - «Липин Бор» (20 - 21 вв.). Обнаруженные записи развенчивают народную молву об этимологии (происхождении) данного названия как месте, где только лепили горшки.

По рассказам стариков, сюда на телегах с Липника везли глину, из которой жители делали разнообразную керамическую посуду. Кстати, озерные волны до сих пор вымывают закопченные обломки кирпича, глиняные черепки. Глину, скорее всего, сюда и везли, т.к. для строительства местной церкви её требовалось много, как и мастеровых рук, которых собирали отовсюду. Но очевидно одно, что сохранившийся топоним «Егорьевская», как и «Горшкова», указывает на конкретных предыдущих владельцев.

Несколько слов о самой деревне, давшей начало современному селу.

«Деревня Горшевская Действительного статского советника Ивана Михайловича сына Игнатьева. Число дворов - 12. По ревизии душ - 37 мужчин, 54 женщины. Под усадьбой занято 1 десятина, 1116 сажень. Под пашней – 68 д., 2307 с. Сенные покосы – 14 д., 154 с. Лесу – 55 д., 1268 с. Всего: 175 д., 85 с. Данный земельный участок располагается «на правой стороне речки Боровки, по обе стороны большой Столбовой Каргопольской дороги, а дачею при Беле озере...Лес дровяной. Крестьяне на оброке» (из «Экономических примечаний» 1780 года). Писцовая книга 1670 года частично конкретизирует сведения о хозяевах и живших в деревне людях.

«За смольянином за Иваном Семеновым сыном Михайловым в поместье деревни Горшковская на речке Боровке, на ней двор, что помещиков. А в нем крестьянин Ларка Григорьев с братом родным Олешкой Григорьевым. У Ларки сын Якушко шести лет. Да в той же деревне Горшковской крестьян: крестьянин Бориско Якимов с детьми с Федькой да с Максимкой. Да у него же Бориска подсельник (одиндворец), Феофанко

Емельянов сын, произвище Баженко. У Феофанка сын Петрушка пяти лет...».

Та же писцовая книга сообщает, что «на поместной земле смольянина» И. С. Михайлова «деревни что Горшковской белозерец посадкой ... Ивашко Павлов сын Чмутов». Сейчас можно только предполагать: с какой целью он здесь находился. Архивные документы помогут найти ответ. Продолжаем.

Через сорок лет владельцем становится поручик Федор Иванович Михайлов, сын И. С. Михайлова, ему же принадлежит половина деревни Поньринской, в которой, как отмечает писец, «двор пуст», так как мужики с братьями, женами да детьми от «хлебной скудости в прошлом 1709 году сошли в мир безвестно».

Среди новых фамилий крестьян Михайловых, Ларионовых, Ивановых в деревне Горшковской нам встречаются и знакомые по переписи 1670 года. Среди них Алексей (Олешка) Григорьев. «Во дворе бобыля Алексея Григорьева... (неразборчиво), у него жена Матрена пятидесяти восьми...». Всего в тех дворах мужского полу – 16, а женского – 13 человек.

5.

От вышеназванной деревни отходит несколько дорог. Одна из них по берегу Белого озера ведет к селу Вашки (Вашкия), а большая Столбовая Каргопольская дорога направляется к северу, проходя через правый угол Ребрикова починка, в деревни Поповская, Скокова, Митрофановская и далее. По третьей, идущей по правому берегу Боровки, попадаем в деревню **Поньринская Митинская тож** (один из вариантов написания «Панаринская»). Небольшое замечание о названии.

В документах переписей, ревизий вышеупомянутое поселение именуется по-разному. Первая часть остается без изменения, но вторая - звучит иначе, хотя и близко: Микитинская, Никитинская, но одно из них просто поразило – Топгино! Сразу вспомнилось, как в советское время колхозники говорили, что идут косить за Ильгино или Ильгинку...

Возможно, именно в 19 веке произошла определенная и окончательная трансформация, когда народ приспособил неудобное в произношении название «Топгино» в привычное и знакомое «Ильгино» или «Ильино», вероятно, в качестве последнего закрепившееся окончательно. Вопрос требует дальнейшего изучения. Продолжаем наш разговор о данной деревне.

Начнем с последней записи, указывающей на общее владение. В деревне **Поныринская** с пустошью Саврасовой владельцев капитанши Аграфены Артамоновны Сытиной и прапорщика Александра Ивановича Ратькова на 1780 год - восемь дворов, в которых проживает по данным ревизии 23 мужчины и 22 женщины. Располагается на правой стороне р. Боровки, а дачею по обе стороны оной и большой Столбовой Каргопольской дороги. Всего земли: 512 десятин. Крестьяне на пашне (из «Экономических примечаний»).

Необходимо сделать дополнение к вопросу межевания вышеуказанной дачи, которое проведено в 1780 году. Но сведения, которые поступили в архив Министерства юстиции в 1842 году, сообщают, что данная земля была разделена на три участка, может быть, позже между другими владельцами. В какое конкретное время сейчас сказать трудно, изменений было предостаточно по разным причинам: отсутствие наследников, когда поместье отходило государству, вступление в наследство, передача в приданое, спорная земля, продажа, выкуп и т.д.

В «Специальном Алфавите» читаем, что первая часть деревни Поныринская Митинская тож с пустошью - владение подполковницы Анны Даниловны Плехановой, хозяин второй – артиллерии штабс- капитан Иван Пресняков (56 десятин). И третья часть – опять же владение А.Д. Плехановой, но уже полковницы (всего земли у нее: 255 д.). Известно и о других, более ранних владельцах, которые имели в крепости совсем немного крестьян.

В указанной выше **писцовой книге за 1670 год** отмечено, что владелец половины деревни Поньринской, как и Горшковской, смольянин Иван Семенович Михайлов.

«...по полдеревни Поньринская Митинская тож на речке на Боровке, а в ней крестьян: крестьянин Гришка Акимов с племянником родным с Олтошкой (?) Купреяновым. У Гришки дети: Игнашка десяти лет да Якушка – году...». В той же писцовой книге есть **запись о втором владельце**.

«За смольянином за Матвеем Алексеев сыном Дерновым в поместье полдеревни Поньринская Митинская тож на речке на Боровой. А в ней крестьянин Ивашко Максимов с братом родным Обросимом Максимовым. У Ивашки дети: Гришка десяти лет да Митька шести лет. У Абрама (Обросима) – дети: Лазарко пяти лет да Ермушка трех лет. Да у него ж Ивашка ... Пронька Иванов. У Проньки сын Алешка двух лет...» (с. 506 об.). Спустя четыре десятка лет половиной деревни владеет драгун Петр Матвеевич Дернов, сын М.А. Дернова. А среди записи крестьянских фамилий (умершего в 1709 году Бориса Якимова, Федоровых, Артемьевых, последние тайком ушли из поместья) опять читаем знакомые имена. «Во дворе крестьянина Григория Якимова семидесяти (лет) вдов, у него сын Яков тридцати», у которого жена Устинья тридцати и дети: Федор – полугоду, дочь девка Анна восьми. У Григория внуки – Михайло Игнатъев семи лет». Нужно дополнить, что помещик переселял крестьян по хозяйственным соображениям из одной своей деревни в другую или в «новопостроенный» двор.

6.

Где располагалась данная деревня? Есть различные версии о её местоположении.

Детальное изучение карты Кирилловского уезда Новгородской губернии 18 века, простых геометрических, специальных планов дач

деревень Горшевская и Поньринская позволяет сделать окончательный вывод.

Деревня Поньринская Митинская тож никуда не исчезала, не пропадала. В 19 веке и вплоть до середины двадцатого жители села Липин Бор её знали как Ильино или Ильгино. Старожилы помнят до сих пор, как до конца 60-х годов прошлого столетия на конвертах писем, в адресе поздравительных открыток обязательно указывалась деревня Ильино (конечно, не официально, а для почтальона), т.е. в памяти народа она существовала самостоятельно, а не как часть целого.

Если на плане соседней деревни Горшевская отчетливо можно разглядеть два моста через речку Боровку (один – для повозок, через него шла большая Столбовая Каргопольская дорога, а выше по течению другой – узкий пешеходный), то в деревне Поньринской никаких рукотворных лав, переходов не имелось. Крестьяне, отправляясь на полевые работы, перебирались вброд, примерно, напротив того места, где сейчас стоит усадьба Горка. В сухое жаркое лето здесь бы и курица не замочила лапок, потому что от нанесенного песка с крутого обсыпавшегося обрыва (полвека назад заросшего сосняком) постоянно образовывалась природная переправа – отмель. Сейчас чуть выше от данного места в советское время построен больничный мостик. От брода по левому берегу вправо отходила дорога к «Погосту Троицы» через пахотную землю, и она же влево – к деревне Липник. Но от деревни Поньринской по правому речному берегу шла ещё одна дорога, выходящая к большой Столбовой дороге на Каргополь». Мчались по ней почтовые тарантасы, спешили важные чиновники... да брели паломники, нищие, останавливаясь на ночлег в деревне Горшковской. Но нас интересует другое, а именно экономическая, хозяйственная жизнь волости, уезда. Какой товар везли по большой дороге купцы, да и предприимчивые простые люди для продажи на ярмарках в ту или другую стороны? Что выращивалось на огородах, собиралось с полей, какая животины откармливалась крестьянами в хлевах и на скотных дворах?

7.

Из сохранившихся в РГАДА документов, в частности **«Книга приходная... сборов денежной казны в Белозерском уезде на Крохинской пристани» 1732 г.** (речь идет о внутренних таможах) узнаем, что по Указу Его Императорского величества Иоанна Третьего императора и самодержавца и прочия, и прочия... таможенные пошлины составляли по пять копеек с рубля семьдесят две с половиной или десятая доля со стоимости... Нужно уточнить, что если продавался собственный товар для личных нужд, то он налогом не облагался.

В **«Книге отпускания попутных товаров в уездные таможи»** читаем, что до Ярославля 18 ноября 1740 года повезли «хмель огородный, полвоза рыбы судаков», «семь возов снетков с ершами сухими», чехонь, лещи, щуки... (в том числе и для армии). Не только до Ярославля, но и до Москвы ездили продавать рыбку, как то: «шесть кадок просоленных судачков», лещей, подлещиков, мелких язей... До Астрахани в 1741 году отправилось 15 тысяч «ложек точеных березовых» на 6 рублей, «тысяча стаканов осиновых писаных» - на семь рублей, «восемь тысяч «ковшиков ольховых», «пять сотен уток солониц», плах ольховых прямых»... Писцом уточнено, что баржа, везущая товар указанный, «дощатая некрытая».

В 1740 году канцеляристом Петром Архиповым подписано, что в Борисоглебскую слободу отпущено семьсот четвертей насыпной ржи. А во время Введенской ярмарки отпустил до Каргополя рожь, сало говяжье сырец, «десять аршин кушаков шерстяных», 400 аршин гризету нитного» и др. Также им отмечено, что на Крохинской пристани в амбаре лежит «25 четвертей пшена, 10 четвертей гороха», крупа гречневая – товар, купленный одним ярославцем.

В документе **«Белозерской таможенной избы»** от 30 декабря 1739 года читаем, что по «Указу Ея императорского величества самодержавицы всероссийская и проч. и проч. императрицы Елизаветы Петровны» дана

накладная роспись Белозерской таможи посадскому сыну Ивану Ивановичу Головину, наемному его извозчику Белозерского уезда села Ухтома Тимофею Дружинину, нанявшемуся везти от Бела озера до самого Петербурга рыбу свежую на трех подводках... С пяти рублей сорок копеек. «Оные деньги не взяты...Имать не велено по Указу». В вотчины Кронштата, Архангельска в сентябре 1752 года белозерцы поехали с сорока пудами чеснока плетеного, яблоками, коровьим маслом, мясом говяжьим, целыми поросятами, обрезью сала... Но шла бойкая торговля не только продуктами. В Волхов доставлялись «стволовины берез, плахи, ложки осиновые, солоницы и др. А ярославцы привезли на ярмарку в 1751 году триста пар кожаных яловых сапог. В специальном фонде, сложившемся в результате съемки межевými инженерами и внутренней ситуации, а именно, в **«Экономических примечаниях»**, сказано похвальное слово в адрес женщин Кирилловского уезда. «В оном уезде женщины сверхполевых работ упражняются в рукоделиях, прядут лен, посконь и шерсть, ткнут холсты и сукна для своего употребления и на продажу». Следующий документ дополняет экономическую картину жизни края, а попутно и общественных нравов 18 века.

8.

В **«Челобитной вологодского помещика Григория Никитина сына Уварова об избиении его и крестьян его белозерским помещиком Гаврилом Андреевым сыном Коротневым»** нам интересен приложенный к челобитной реестр краденых пожитков от 1756 года. «Бьет челом вологодский помещик отставной капитан Григорий Никитин сын Уваров на белозерского помещика морской артиллерии подконстапеля Гаврила Андреева сына Коротнева, на жену его Марфу Яковлеву дочь...». Причину конфликта разъясняет приложенная к данному делу родословная Коротневых.

Названные помещики владели многими деревнями в разных волостях Белозерского уезда, в т.ч. и Парасковья Уварова, которая одно время была полновластной хозяйкой знакомого нам поместья деревни Поньринская Митинская тож. Начнем по порядку.

Жена Уварова Арина (Ирина) Дмитриева дочь (в девичестве – Коротнева) и Г.А. Коротнев являлись двоюродными. После смерти тестя, белозерского помещика Дмитрия Ивановича Коротнева, седьмая часть его поместий с деревнями в Белозерском уезде Надпорожского и Заозерского станов отошли к жене его, а Уварову – тещи, Устинье Матфеевой дочери капитана Гавриловой женой Бокова. А остальное по наследству досталось жене Г. Н. Уварова Ирине Дмитриевне. Спор со стрельбой из ружей, рогатинами, с поджогами «хоромных строений», грабежом, «смертным избиением», колотыми ранами от шпаги активно разгорелся уже после смерти жены Уварова, когда седьмую часть наследства получил он, муж, а остальное – их дочь Парасковья. Данное решение не устроило родню, рассчитывающую на определенную часть имущества усопшей, что и стало по сути «последней каплей» в разгоревшемся конфликте. Самое обидное для пострадавшего Уварова заключалось в том, что в Белозерской провинциальной канцелярии по первоначальной его челобитной никаких мер не предпринималось. Хотя он показывал рану на пальце, проколотую в нескольких местах шубу, рукавицу и т. д. Лишь после повторной жалобы на имя высочайшего императорского величества дело почти через полгода стронулось с места. После допроса власть установила личности всего пяти из 28 участвующих в нападении и грабеже крестьян из поместья Алексея Ивановича Коротнева и товарища его помещика Ивана Сказина села Ивановского. «...А протчих, как зовут, опознать неможно, а могут показать означенные люди, когда в суде и следствии взяты будут»... Чем все закончилось, история, как говорится, умалчивает. Но нам важен приложенный реестр на добро самого Григория Уварова и крестьян, которые также пострадали от ночного налета в декабре 1755 года. Итак, «Реестр

пожитков» из вышеназванной челобитной. В нем упоминается сундучок, обитый белым железом, где хранились ценности, всякие вещи, а именно:

«12 нахцек и при них ленты... с золотыми и серебряными»; лент простых алых, васильковых 100 аршин, шесть колечек золотых; три перстя (перстня), в том числе один золотой, вставка в нем зеленая, а около неё с шести сторон – васильковые и алые; два перстя серебряные с позолотой: в первом - вставка васильковая, а во втором – алая; жемчугу 15 золотников; да сверх того «снизеи жемчужных шейных с гагатами большими, гранатовыми – трои, по четыре нитки с лентами алыми и васильковыми» (украшения на шею); «ручных – трои с лентами алыми и светло-васильковыми – 18 ниток (на запястье); платков «полутальянских» разных цветов – шесть; простых платков – две дюжины полуселковых, разных цветов; золота – цевка; две цевки серебра».

В «Реестре» называется подголовок, также окованный белым железом, где хранились разные письма, бумаги и двести рублей денег, тоже похищенные. У крестьян его деревни, разбежавшихся («утекли») от страха при налете, как пишет Гаврило Уваров, пограблено пожитков, хлеба и скота: «две лошади, четыре дойные коровы, три нетели по три года, четыре овцы большие, восемь ягнят, свиней больших - три, «назимков полусвиней» - четыре, «курей русских» – двадцать. Итого скота: 48 животных. Хлеба ржи – 15 четвертей; овса – 30; ячменя – 10; пшенной – 5; семени льняного – 2. Итого хлеба: 62 четверти. Платья: шуб мужских новых – 5 овчин; 20 кафтанов суконных новых; 6 женских шуб новых; 3 сарафана тонких, 4 – толстых, 4 верхних суконных; 4 рубахи мужских, женских тонких и толстых – 30, ребячьих маленьких – 15. Итого: платья женского и мужского и овчин - 91. Холста полотен тонких - 400 аршин; «пачесных» толстых - 300 аршин. Итого: холста 700 аршин. Масла коровьего – 2 пуда; шерсти овечьей – 3 пуда.

По приказу Коротнева его люди и крестьяне «сожгли два овина, четыре «мекилинцы» (от сл. «мякина») и весь «скотный» корм без

остатку..., причинив мне с дочерью немалые убытки и разорения. А прочие пожитки все, без остатку, Коротневым обраны, о которых еще не осведомлено,... о том объявлено будет при искомом челобитье впредь, где надлежит. К челобитной и реестру Григорий Никитин сын Уваров руку приложил». Вышеуказанное судебное дело ярко иллюстрирует помещичью и крестьянскую жизнь с разных сторон, как бытовой, хозяйственно - экономической, так и общественно-социальной.

9.

Помимо основного занятия - земледелия крестьяне попутно занимались **рыбной ловлей**, которая шла почти круглогодично и повсеместно и была в почете. Кормились сами – кормили народ, принося определенный доход хозяевам, т. к. рыба в качестве оброка постоянно упоминается. Сохранившиеся документы в РГАДА знакомят нас с замечательными тружениками, нашими предками.

В «**Росписи рыбных ловцов поместных и монастырских**» указаны списки людей, профессионально обслуживающих ловлю, а в «**Книге записной рыбных ловцов и закупщиков, посадских людей**» (1696 – 1697 г.г.) даны не только списки, но и количество используемых лодок в волостях, селах Белозерского уезда как то: Шольской, Кьянской, Киснемской, Троицкой, сел Ковжи, Киуя и др.

В волости **Липина Борку** в списке рыбаков читаем следующие имена: Борис Якимов, Алексей Григорьев, Иван Максимов (упоминаются в вышеуказанных писцовых книгах 1670 и 1710 годов), Ларион Айваков, Ларион Григорьев и др. Активно рыбачили и в соседних селах.

В Вашках – Лазарь Аристов, Семен Макаров, Василий Степанов, Иван Григорьев, Тарас Куприянов и др.

В селе Мунга – Семен Боршов, Василий Гаврилов, Игнат Васильев, Тит Богданов и др.

В Ухтоме - Федор Устимов, Семен Овдошков, Козьма Лазарев, Кузьма Никитин, Петр Колесников, **поп Тарас** и др. Кроме рыбаков в данные списки включены и белозерские посадские люди, рыбные закупщики. Среди них Иван Галкин, Петр Бивалдин, Иван Пунтен, Андрей Иванов с сыном Якимом и др. Теперь с полной уверенностью можно сообщить, чем занимался в деревне Горшковской (по переписи 1670 года) посадский человек белозерец Ивашко Павлов сын Чмутов, также нужно обязательно сказать несколько слов об этой семье, жизнь которой послужит достойным примером для будущих поколений.

Простой рыбный закупщик сумел передать своим детям, внукам, правнукам накопленный опыт, деловую хватку, стремление к новому, научил трудиться, быть ответственными и жить с Богом в сердце. В материалах третьей ревизии Белозерского уезда 1762 года, т.е. спустя почти век, в списке белозерского купечества и цеховых находим вышеназванную фамилию. Речь, понятно, идет о его потомках. Федор Якимов сын Чмутов. Ему на 1762 год пятьдесят восемь лет. Жена его, сорокалетняя Лукерья Алексеева дочь, взята в замужество из Благовещенского монастыря, имевшего на Белом озере дворника Ивестова. У данной пары проживает Иван, ему 34 года. Жене Федосье Михайловой дочери 26 лет, которая старинного рода (коренная) из Белозерского Посада. Они воспитывают двух дочерей: пятилетнюю Матрену и полуторагодовалую Феклу. Видимо, для помощи по дому Иван Васильев сын Чмутов купил крепостную девку Парасковью Алексееву дочь, 38 лет... А через сто с лишним лет мы читаем в «Уведомлении Новгородского губернатора Белозерскому городскому голове о присвоении бывшему городскому голове Якову Семеновичу Чмутову звания Почетного гражданина г. Белозерска. 16 января 1889 г.» за «полезную и деятельную службу» в качестве белозерского городского головы (1870 – 1880) и директора общественного банка (с 1886 г.).

В завершении данного разговора хочу познакомить с одним любопытным, «многоговорящим» документом «Свидетельство Степана

Чмутова, сына купца 2-й гильдии г. Белозерска, об окончании Белозерского училища. 22 июня 1872 г.». В нем отмечено, что за время обучения поведение Степана (с 1867 по 1872 годы) только отличное, как и отличные успехи во всех преподаваемых предметах, как то: Закон Божий, российский язык, арифметика, геометрия, история, география, чистописание, рисование и черчение...

Таким образом, повышение социального статуса данной фамилии (от предка – простого рыбного закупщика до городского головы) стало возможным только благодаря определенным личным качествам, передававшимся из поколения в поколение на протяжении длительного времени. Так и возникали, на мой взгляд, крепкие трудовые, семейные и прочие династии. Но вернемся к списку рыбных ловцов.

Заслуживающим внимания, на мой взгляд, является участие попа Тараса в рыбном промысле (такие случаи были не единичными). По мнению исследователей, поп мог быть поручителем перед кредиторами своей паствы (изготовление рыболовецкого снаряжения, лодки очень дорогостояще и в наше время). Также часто подсобные церковные помещения использовались крестьянами для хранения снасти. Да и дело-то очень прибыльное!

Следующий документ **«Памяти стряпчего Рыбного двора Михаила Молчанова»** подтверждает данное предположение об активном участии церковнослужителей в рыбной ловле, её спонсировании, говоря современным языком. Чтобы вы почувствовали трогательный аромат времени, привожу часть записи почти дословно. «Государю моему священно протопопу Силе Мишка Молчанов челом бить буде. Государь мой, здравия на многие лета и покрой десницей вашей меня (благослови)...А я на Белом озере, послал **залог**... пожалуй, Государь, пиши ко мне впредь про своё многолетнее здоровье, чтобы, слушая про твое здоровье, я стал бы радоваться. Да послал я к тебе, Государю, битой рыбки: пять стерлядок, два леща, два судака, чтобы тебе, Государю, на здравице. Да какие будут тебе, Государь, милости (просьбы) и ты, Государь, отпиши ко мне...». Интересна

«Платежная память о приеме оброчных денег от бывшего троицкого попа волости Липин Борок старца Кирилло-Новозерского Афанасия», где указано, что поп Афанасий, что ныне в Новозерском монастыре в старцах, игумен его Илия и протопоп Авраамий чинили по искам деньги, которые переданы в Белозерский Рыбный двор...

10.

Рыбное дело было хорошо поставлено, организовано. Уже в начале 16 века появляется специальное предприятие – **Рыбный двор**. Что входило в него? От одной до трёх жилых изб, погреб, ледник, запас соли, сушило, где коптили, сушили, вялили рыбу (порой там сохли сети) – все необходимое для переработки рыбы. Такой Рыбный Двор имелся в Белозерске, а ранее был и в Киснеме. Несколько слов о последнем.

На самом «берегу Белого озера, называемом Княжин луг с поселением на оных Рыбного двора казенного ведомства» стояла деревушка, которая так и называлась Рыбный двор, с одной избой, рядом пристань (данные государственного межевания 1780 г.). Напротив неё, в сторону Ковжи, широко раскинулись заповедные воды Государя, где запрещался всякий лов. Для нас любопытны более ранние сведения из материалов ревизии Белозерского уезда 1762 года. Часть старожилов, в возрасте за шестьдесят лет, уйдут из жизни еще до ревизии. Среди них Матфей и Артемий Никифоровы, вдовец Иван Артемьев, Леонтий и Никифор Артемьевы... Крестьянские жены были привезены из разных мест. Женихи брали их в замужество свадьбою, а после указа 1754 года по увольнительному письму старосты, а именно: из вотчины Борисоглебского монастыря - деревни Орлова; из вотчины Суздальского Покровского девичья монастыря - сел Ухтома, Крохино; из Порецкой волости церкви Успения Пресвятой Богородицы (попова дочь); из Киснемской волости поместья вдовы Марьи Коротневой - д. Тарасьева; из вотчины Кирилловского монастыря села Покровского - д. Самсонова, с. Вашкия, деревень Поповской и Борок; из

Индоманской волости поместья Анны Кобелевой и т. д. Точно также своих дочерей - невест крестьяне выдавали замуж в другие волости, поселения. На момент третьей ревизии здесь числится детей разновозрастных – 13 человек (от недели до 15 лет), количество девочек – чуть больше. Итого, как отмечено в ревизской сказке дворником Алексеем Сергеевым, Его императорского величества в деревне Рыбный двор - дворников 2 души. На наших глазах разворачивается картина постепенного угасания данной деревни во второй половине 18 века, когда складываются неблагоприятно социально-экономические условия жизни населения. С карты Кирилловского уезда Новгородской губернии вышеназванная деревня исчезнет в 19 века. Возвращаемся к вопросу рыбной ловли.

11.

Каждый год обязательно объявлялись условия рыбной ловли, соблюдение их обязательно контролировалось специальными людьми (1698 год).

Помимо профессиональных ловцов, ловили и сами помещики, их крестьяне, чтобы выплачивать оброк деньгами, рыбой.

Из Мунской и Роксомской волостей в Киснему и другие места для ловли высылали дворцовых крестьян (**«Записная книга припасов, посылаемая на рыбные пристани»**), работа которых оплачивалась. Волнительно смотреть через триста с лишним лет на крестики против фамилий работников, которым выписаны деньги для раздачи старостой. Также для самой различной работы широко применялся набор людей по найму. Привлекались люди для доставки различных грузов по воде в разные концы нашего большого государства. Например, в Архангельск в 1694 году доставлялось железо к корабельному делу, туда же отправляли крестьян для работы на Олонецкой верфи. Писцовая книга 1710 г. по волости Липина Борка и других сохранила имена молодых и сильных, которые умерли там в работниках, не оставив после себя ни жен, ни детей.

Также в материалах ревизий Белозерского уезда (к сожалению, без даты) сохранился список деревень, приписанных к Торопицким (?) железоплавильным заводам. Среди перечисленных - видим названия «Горшковская» и «Поныринская», хотя данные деревни были владельческими, а не казенными или монастырскими.

Для обслуживания рыбного промысла нанимались сторожа как для охраны живой стерляди в наплывном рыбном садке, так и для его чистки и ремонта. С целью ухода и сбережения в живом виде ценной рыбы стерляди, севрюги, которых привозили в прорезных лодках – тагасовках в Петербург, в город было отправлено четыре крестьянских семьи на постоянное место жительства. (Из **«Наказной памяти приставу о присылке четырех семей...»**). На местах делом непосредственно руководил, вел учет, прием выловленного, денежной казны, орудий лова, занимался наймом специальный человек – **целовальник** (от сл. «целовать» крест во время присяги). Это была выборная и очень ответственная должность на год. В случае невыполнения сбора рыбного оброка, какой-либо другой недостачи целовальник отвечал своей головой, имуществом и обязан был возратить в казну полностью недостающее или отработать, в противном случае его ждала тюрьма, палки до смерти...

12.

Документ о **«Выборе в целовальники Рыбного Двора помещичьих крестьян волости Липина Борка и Киснемской волости Ивана Максимова и Софрона Михайлова на 7196 год (апрель – август 1687 г.)** даёт возможность представить, как вышеназванные выборы проходили в волости и рыбных поместьях. Проводились выборы везде одинаково, по разработанным инструкциям, т. е. «памятям».

Получив соответствующее указание, по Грамоте и Приказу Большого Дворца, по велению стольника и воеводы Якова Гавриловича Бибикова, «белозерский подьячий Алешка Артемьев и да пристав Андрюшка Власов

ездили в Белозерском уезде в разные волости, рыбные поместья и вотчины... Да в волости Липенском Борку», объявляя о выборах на Белозерском Рыбном дворе целовальника от первого числа сентября сего года. По приказу стольника и воеводы Я. Г. Бибикова того же числа посланы с ними же, «вышеписанными посыльщиками, две наказные памяти о выборе целовальника...». **О чем в них шла речь?** К указанному сроку первого числа сентября на Рыбном Дворе собраться крестьянским рыбным ловцам, старостам для участия в выборах. Подчеркнуто, что собираются только те ловцы, которые ловили на Белом озере в «нынешнем году зимними и летними своими рыбными промыслами».

После выборов составлялся документ, который подписывался всеми участниками, как правило, в присутствии воеводы.

« ...Когда выбрали целовальника («выбор за руками дал», «отдали за него за руками своими выборы»), тот выбор становился «повелением» (приказом), а по нему нововыбранный целовальник...на Бело озере, взяв порушную запись, и должен в город ехать... Писано точно, выбор наших людей на него...», - отмечает площадный подьячий Алешка Артемьев. Далее в документе читаем, что волости Липина Борку нововыбранному целовальнику крестьянину Ивашке Максиму в помощь приговорили (дали) для сбора, отпуска рыбы (свежей, сухой, просоленной, снетков и т.д.) Якимку Павлова. «Ловцы сбывати ему, Якимке, разную рыбу, а что «не отпустил положенных денег, у него, Ивана (Максимова) будет в остатках. Имеющиеся деньги пойдут Якимке на прокормление». Уточнено, что какие деньги Якимка возьмет в «обиходной великих государей и в денежной казне», по ним отчет даст... «Собрать по нем, Якимке, поручную запись», т.е. дать поручительство. Если доверие поручителей не будет оправдано, то «на нас, порущиках, пеня (укор) Великого Государя, царя, Великого господина Петра Алексеевича...». Так за свой выбор приходилось отвечать имуществом, «животом», вплоть до тюрьмы.

Среди имен тех, кто поручился за Ивана Максимова: староста Михайлова - Абрам Максимович Иванов, крестьянин Федорова - Борис Екимов..., староста Золотилова - Яков Афанасьевич Гаврилов, Емельян Иванов - стольника Михайлова, староста Моложенинова - Абрам Малафеевич Матвеев, крестьянин Дернова - Иван Иванов и др. А поручную запись волости Липина Борку заверил троцкий поп Корней (?) вместо поручиков (поручителей) разных волостей...и ко всей записи с именами крестьян по их велению руку приложил. Выборщики давали наказ нововыбранному: быть в целовальниках «безотступно» год. На Рыбном Дворе, и на рыбных пристанях, и на «добыходное» (добыче) Великого Государя рыбы, и на денежной казне, и на всяких запасах никакой хитрости не учинять, и заповедные воды в Бело озере и в реке Шексне от сторонних рыбных ловцов беречь...». Выбранный целовальник Иван Максимов, целуя крест, клятвенно обязуется выполнять поручение. Необходимо дополнить, что позднее Иван Максимов подал челобитную, где отказался от обязанностей целовальника (по какой причине неясно).

В документе звучит так: «Он (Ивашко) с ним (Якимкой) договорился, что ему, Якимке, в ево, Ивашково место быть в целовальниках на Белозерском Рыбном дворе и на рыбных пристанях...год. А он, Ивашка, пойдет на его место рыбного ловца...».

13.

Помимо указанных обязанностей, целовальник вел учет, кому и сколько выдано из «вешних» денег, из денег рыбных сборов (оброчных). Организовывал ремонт, хранение, выдачу снасти. Нужно привести в подтверждение отдельные выдержки из записей целовальника Белозерского Рыбного Двора.

Например, в «**Росписи целовальника Василия Соснина**» подробно расписано: сколько дано денег на починку и очистку рыбного сада, траты на

покупку пула, сколько и почем, у кого из рыбаков взято стерлядей, количество и пригодность сетей к использованию и т.д.

«Шестнадцать мереж нечитанных (непочиненных) к ловле не годятся, положенных в амбаре от реки на шесте», «в онбарах (амбарах) на середке - шесть, девять мереж читанных же, к ловле годящихся, положены вверху в чулане». «Трифон в Ухтому свез мережи, а кому он отдал, потом ево допросил». «Семен Холстинников отдал 22 мережи, сита их, к лову годятся...» и т.д. «Григорию Орлову додано из вешних денег девять рублей, да Семену Хомутильникову дано из вешних денег шестьдесят шесть, да Михайло Молчанову дал два рубля, да что деньги рыбных сборов в мошне, из тех дано ему ж 40 алтын и всего Семену дано десять рублей...».

Следующие сохранившиеся записи говорят и о масштабах рыбной ловли. «...у него Григория в наказе написано, что с нево да изымать три стерлядки да керешки переменные..», «...с невода оброчной рыбы измать по 27...», «...у Тита Волкова взято три стерлядки, у Якова Федорова – пять стерлядей, у Федора Пахомова – четыре» и т.д. Всего в Москву к Великому Государю с Бело озера за октябрь отправлено осенней оброчной ценной рыбы, что «имата у рыбных ловцов», двести восемь судаков и щук да киснемского, крохинского и ухтомского улову 495 стерлядей. Кстати, стерлядка, если без оценки, принималась по алтыну, но в Москве пуд данной рыбы стоил семь с половиной рублей.

Из **«Грамоты стряпчего Михаила Молчанова в дворцовые волости (ездовые) старостам и целовальникам»**. Дано указание о подготовке к погонной ловле на прорезных судах, для чего необходимо выделить по пять человек работников с волости в село Крохино. А крестьянам Иванова Бору в реке Шексне сломать все засеки, которые ими же были учинены для рыбной ловли, тотчас, без остатка. «К сей памяти стряпчий Михаил Молчанов печать свою приложил». Взимались деньги за рыбную ловлю с владельцев поместий и вотчин. Как с каждого суденышка, будь то лодка или челн, так и с рыбных закупщиков, прасолов. «Оброчные деньги получены сполна, а у

кого принимал, в том им росписи да своею рукой водив...», - записано в документе **«Памяти стряпчего Рыбного Двора Михаила Молчанова»**. Денежную казну принимал приехавший из Большого Дворца приказчик.

В волости Липина Бору оброк брали с шести лодок, с Муньги – двадцати, села Вашкия – семнадцати, Киснемской волости – восемнадцати и т.д. Всего со ста пятидесяти лодок да киснемских челнов. К ним добавляется ещё пятнадцать лодок (из них семь – закупщиков и прасолов с Ковжской пристани, шесть – с Киснемской пристани и с двух лодок «Ярофея Досежина и Ивана Андреева сына Тястинова»). Были случаи, когда рыбаки по разным причинам не могли выплатить оброк, тогда власть входила в положение должников после разбирательства.

В документе от 9 июля 1642 года **«Распросные речи крестьян Липинога Борку помещиков Федора и Гневыша Моложениновых Ивана Ефтиорьева и Петра Кузмина об освобождении их от уплаты денег за рыбную ловлю приказным человеком Рыбного двора Алексеем Турченевым в связи с отсутствием лова рыбы»** объяснено, что «из - за семи ветров лодки не могли плыть в озеро», а рыба ушла на глубину от берега.

14.

Рыбу не только потребляли. Власть на местах заботилась о **сохранении и возобновлении природных водных ресурсов**. Главную роль в этом деле, конечно, отводилась целовальникам (на мой взгляд, прообразу будущих руководителей рыболовецких артелей и колхозов, в одном лице совмещавших обязанности кладовщика, счетовода, кассира, бригадира, рыбнадзора).

Из **«Наказной памяти стольника и воеводы Александра Ивановича Кощелева»** узнаем, что рыбные ловцы, целуя крест, берут на себя обязательство не ловить рыбу в заповедных водах. «С сего числа...по Указу Великих Государей Белозерского уезда Заозерного стану села Мунга все рыбные ловцы, староста Михайло Елизарович Коренев поклялись, что

«ловить не будем в государевых водах». «А сие роспись писал села Мунга ильинский поп Аврам по их, рыбных ловцов, велению». Но находились, как мы сейчас бы сказали, браконьеры. До нашего времени дошло несколько дел о таких нарушителях закона. Ниже одно из них.

«Грамота приказа Большого Дворца о пресечении незаконного лова рыбы...» в Заповедной тоне помещиком Киснемской волости Иваном Кузминым с товарищами». В ней сообщается стряпчему Ивану Грегову да сотнику Михаилу Ядину, что «в озере Белом в Заповедной тоне киснемские помещики Иван Кузмин с товарищами рыбной ловлей чинят большую поруху (ущерб) и крестьянам своим заказ чинят с большим пристрастием, чтобы они никаких рыбных хул не высказывали... Травят крестьян заповедных, а выборного целовальника Ваську Соснина хотят судить до смерти... посадить в воду».

«... Великий Государь хочет учинить прибыль» с данных людей «по пять рублей с вы»... Как понимаете, штраф по тем временам солидный, когда лошадь можно было купить за два, а холопа - за два - три рубля.

Таким образом, документы Белозерского Рыбного двора конца 17 и начала 18 веков позволяют частично проследить организацию, развитие рыбного дела, в котором значительную роль играли крестьяне нашего Вашкинского края, где рыба до сих пор является ходовым товаром, приносящим неплохой доход. Нужно дополнить, что ловили не только в Белом озере, но и на многочисленных глухих лесных озерах, называемых «лешими», речках, речушках.

15.

В «Алфавите всем дачам, состоящим Кирилловском уезду в Новгородской губернии» отмечено, что практически все водоемы поделены между помещиками - соседями земельных угодий, а те, что от Казенного ведомства, сдаются в аренду. Как устанавливались земельные границы, как

проходил обмер участков, поговорим ниже. Сейчас вернемся к владельцам озер и речек.

Например, озеро Нижнее Морозиро (мы знаем его как Щукинское) принадлежало семействам Гольских, Дерновых, Золотилу С.И., Доронину М.Д., Моложенинову Н.И., Завесиной А.А., Шушерину В.Ф. Озером Верхнее Морозеро (Марозеро), богатое лещами, езями, налимами и др., владели М.И. Патрикеева, В.С. Гольский, Ф.С. Дьякова, И.В. Козловский, А.А. Акстьянова, Н.Д. Торжнева. Павшезерское озеро делили со священнослужителями девять владельцев, на Дружинном рыбачили двадцать шесть семейств и отписные крестьяне канцелярии Конфискации. Кстати, озеро Волоцкое имело также несколько хозяев, как и Пунжезеро, Святое и т.д. А Мунское, Роксомское, Пушторское, Воже (Чарондское) - сдавались в оброк от Кирилловского уездного казначейства.

Предки владельцев получили данную землю с лесами, речными и озерными водами от государства за **ратную службу** в качестве выплаты жалования, нередко одновременно и пожизненно. О подобных многочисленных фактах свидетельствуют записи в писцовых книгах 1670 и 1710 годов. Нужно об этом обязательно, пусть и частично, сказать на примере волости Липина Бора Кирилловского уезда.

16.

Выше было сообщено о некоторых владельцах рассматриваемых поместий, но повторимся ещё раз. Деревнями Горшковской и половиной Поньринской владел смольянин **Иван Семёнович Михайлов**, другой частью Поньринской и деревней Кокуринская Васильевская тож – смольянин **Матвей Алексеевич Дернов** (перепись 1670 г.). Нужно пояснить, что слова «смольянин, смоленская шляхта» образованы от слов «Смоленск» и «шляхт» (дорога), именно там служили на границе указанные люди.

Владелец одной трети деревни Садунино помещик **Иван Филиппович Дернов** служил в Смоленске, как и его отец, но из-за болезни («скорбей») вынужден службу оставить (1710 г.). Две трети данной деревни принадлежит «вдове Марье Ануфриевой жене Филипова сына Дернова». В господском доме живет сама пятидесятилетняя помещица с сыном Григорием восьми лет и «невестка драгунша жена Авдотья Михайлова дочь тридцати (лет)» с малолетними детьми. А муж Марьи служил с той поместной деревни под Смоленском, в московских полках, а деверь его, **Михайло Дернов** взят в драгуны в 1701 году...». Вот еще примеры.

По переписи 1670 года деревушка Глухарево и деревни «Шумаево Савинская Новово Доносово тож» принадлежат «**Ефиму и Семену Васильевым детям Козловским**».

Через какое-то время часть поместий становится вотчинами, переходя к наследникам, другая отходит государству, какая-то продается, и перепись 1710 года, ревизии зафиксировали подобные изменения.

За драгуном **Степаном Афанасьевичем Козловским** полсельца Глухарево, а «в нем двор помещиков», где живет «жена его, Степана, Агрофена Петрова дочь сорока (лет)..., а братья мужа **Тимофей и Федор** служат в драгунах в армии...».

Другая половина Глухарево в вотчине принадлежит шестидесятилетнему **Семену Васильевичу Козловскому** (на 1710 год), который пошёл по стопам отца, смолянина Офонасия Васильевича Козловского (перепись 1670 г.), и служил он, Семен, под городом Смоленском по «выбору» в московских полках «во второй статье». Но вначале была на служба в Переславле, а «отставлен» от полковой службы в 1702 году... Жене Анне – тридцать...

За помещиком **Алексеем Федоровичем Дерновым** сельцо Щукино, где «двор его помещичий, в котором живет он, Алексей, не женат...». Служил в 1707 году в Переславле... потом в Смоленске. У него «дворовый

Михайло Иванов, двадцати трех лет», бывший ему денщиком. И еще несколько примеров.

За смольянином **Михаилом Федоровичем Дерновым** – дер. Терякина и Нефедовская (1670 г.), а в 1710 узнаем, что «за вдовой Марьей Михайловой женой Дернова в деревне Терякинской (? нечеткая запись) двор её, где живет она, семидесятилетняя помещица, жена Дернова. У неё дети: **Илья** тридцати и **Семен** – двадцати двух лет, которые «от драгунской службы отставлены», из-за которой у Ильи персты (пальцы) правой руки не гнутся, а Семен одержим падучей» скорбью (недугом)... А свояк **Никита** взят в драгуны в 1701 году и служит в Астраханском полку.

За смольянином **Федором Фирсова сыном Дерновым**, как сообщает переписная книга 1670 года, деревни Есинская, Родионовская Босово тож, Лукьяновская Луковицыно тож. Из деревни Лукьяновской взяты на службу в 1701 году **Павел, Петр и Иван Афанасьевы дети Дерновы**. В господском доме осталась жить «сестра их девка Анисья, двадцати пяти лет». За смольянином **Семеном Ивановичем Филиповым** – деревня Липова что была пустошью (перепись 1670г.).

А в сельце Логиново живет (видимо, тот самый) помещик **Семен Иванович Филиппов**, которому на момент переписи 1710 года семьдесят шесть лет, вдов. Служил он в выборном полку думного генерала Алексея Шепелева в поручиках. Сын **Иван** в 1701 году взят в драгуны, а дома его возвращения ждут престарелый отец, сестра Федотья, жена Марья и пятеро детей. За смольянином **Петром Елисеевичем Моложениновым** деревни Макино, Басаурово, Турина.

У отставного советника **Ивана Михайловича Игнатьева** сын **Семен** премьер - майор, другой - «прапорщик **Афонасий** служит в Лейб-гвардии Преображенском полку», а внуки продолжают.... Данный список служилых людей на этом не заканчивается.

Можно с уверенностью утверждать, что именно в военных династиях кроются истоки мужества, бесстрашия, стойкости русских воинов! Им,

защитникам Отечества, не впервые жертвовать собой, жизнью, защищая интересы государства, охраняя его рубежи.

17.

Возвращаемся к **вопросу межевания земельных наделов**. Но вначале небольшая историческая справка. Неоднократно предпринимались попытки при Петре Первом, Анне Иоановне и Елизавете Петровне организовать работы по государственному межеванию для получения сведений о состоянии землепользования, пополнения за счет налогов денежной казны и, конечно, для прекращения бесконечных споров о земельных границах, не раз доводящих до кровопролития. Но большинство попыток терпели неудачу по причине юридического характера, как пишет ученый В. С. Кусов в вышеназванной книге.

Дело заключалось в том, что межевщик (межевой инженер) перед началом работы по установлению границ, измерения площади угодий обязан был потребовать документ на право землевладения. При отсутствии такого, мог сам изъять землю в пользу государства. При Екатерине Второй был найден выход, казалось бы, из тупиковой ситуации. Дальновидный политик князь А.А. Вяземский предложил решение, которое очень заинтересовало помещиков. Суть его такова.

Для получения документов при новом Генеральном межевании на вечное владение землей необходимо полюбовно решить с соседями вопрос о границах, самим обозначить их столбами и просеками, не предъявляя никаких документов. Но если таким способом не удавалось решить пограничный вопрос, то окончательную точку в споре ставил суд, но уже с требованием от землевладельцев нужных бумаг.

В сентябре 1765 года особым манифестом было объявлено о начале нового Генерального межевания. Создано при правительстве межевое ведомство – **межевой экспедиции Сенат**. Конечная цель его работы – создание межевого паспорта землевладения в двух экземплярах.

Межеванию предшествовала большая организационная работа (кстати, на протяжении всей данной кампании), включавшая в себя и подготовку специалистов (создание дополнительных межевых школ), и определения площади земель для измерения, их состояния, сроков, утверждения штатов, норм выработки, расценок, оплаты и т.д. Но нас, в первую очередь, интересует, как проходило межевание Новгородского наместничества Кирилловского уезда, в частности, волости Липина Бора. Но для полноты картины нужно, хотя бы коротко, рассказать об организации в Новгороде межевой конторы.

18.

После межевания центральных территорий дошла очередь и до Новгородской губернии. Для всенародного ознакомления напечатан и разослан по учреждениям Указ о межевании земель в Новгородской губернии, а Указ от 29 мая 1778 года **«Об организационных мероприятиях образования Новгородской межевой конторы»** передает напряжение тех дней. Нужно привести отдельные цитаты.

«...Предписано землемерам оказывать...безграничное повиновение и всякую учтивость и всевозможное к настоящему успеху сего дела...недерзания, никакого своеволия, наглостей, сопротивления... А землемеры должны следовать закону, указам, инструкциям, а иначе с землемерами будут поступать как с преступниками.... Межевые конторы состоят в подчинении Межевой канцелярии, должны знать, что в ней состоит обер-прокурор Рожнов, надворный советник Венгерский и ассессор Корольков»...

В губернском городе Новгороде создается межевые канцелярия и контора, подчинявшиеся аналогичной в Москве, в уезде – подобная. **Вопрос с кадрами** решался неплохо, но землемеров остро не хватает. Частично переведены специалисты из Смоленска, Калуги, Тверской, Ярославской, Костромской межевых контор. По строгим критериям людей набирают из

отпущенных вечно на волю господских людей, поповских, солдатских детей, военных служителей из батальонов и т.д. Сенат межевой экспедиции приказывает иметь дополнительно хотя бы двадцать человек. К будущему лету должно быть сформировано 151 землемерная партия и дополнительно – семнадцать, на людей рассчитывается количество рационов и т.д. (Указ от 25.12.1779 г.). Перелистаем пожелтевшие страницы документов.

19.

Всем желающим служить землемерами предлагается прибыть в Москву в Межевую канцелярию для сдачи экзамена, позже его можно будет сдавать и в Новгороде. Увеличен набор в межевые школы, но берут для обучения не всех, только тех, «кто знает арифметику, отчасти геометрию, умеет копировать планы и читать». После учебы и освидетельствования ученики получали патент, им присваивалось по знаниям «первоклассный ученик» (оклад 60 рублей) или «второклассный» (40 руб.). Землемер (в зависимости от классности, чина – 300 руб.) или помощник землемера (мог быть сержантского чина), «отличившимся познанием наук» (250 руб.)... А кого-то, нерадивых или неспособных, начальство могло и не взять за неспособностью к межеванию, дав паспорт и аттестат, какой человек заслужил своим поведением. Или он переводился на другую должность, как двух солдатских детей направили в Олонецкий край почтальонами. А прапорщика Кутузова из Межевого корпуса освободили из-за неспособности к работе (от 18.01.1779 г.). Были и более драматические случаи, когда кого-то из разжалованных после суда забирали в солдаты, например, за подделку документов и другие преступления. Несколько других примеров.

Из Дела Новгородской межевой конторы от 1780 года узнаем, что штык-юнкер Неелов за ненадлежащие поступки посажен на хлеб и воду.

Из Новгородского наместнического правления в межевую контору поступил указ сообщить о результате рассмотрения в суде дела копииста Попова с товарищами, которые избили и ограбили белозерского

второклассного землемера прапорщика Перегудова, забрав у того шубу, деньги, табак (1779 г.) Но сержанта великолуцкого батальона Петра Басковского за «познание им принадлежащих к межеванию наук» определили в помощники землемера (от 16.01.1779 г.).

Итак, в Новгородской губернии все готово к работе. Сформирован штат, решен вопрос с квартирами («как и военным командам, их давать узаконено»), выделены из государственной казны деньги, разработаны, уточнены инструкции. Также обустроены покои (помещения), завезены столы, «зеркала», стулья, сукна, коробки с гербовой и простой бумагой. Межевые контора и канцелярия в Новгороде начали работу, а следом открылась контора в городе Кириллов. Из **Указа от 7 марта 1779 года**, поступившего в Сенат, узнаем, что Новгородское наместничество уведомляет о действительном вступлении землемерных партий в полевую работу. **Что конкретно предшествовало межеванию дач в уезде?**

20.

Заранее каждый землевладелец обязательно подавал в уездную контору на регистрацию доверенность, так называемое **«Верящее письмо»** на имя своего доверенного лица, обычно крестьянина, хорошо знавшего границы земель, угодий, сенокосов и т.д. Письмо заверялось свидетелями, которые его подписывали. Данный документ обязательно хранился в деле, а при спорном вопросе отсылался в вышестоящую контору.

На местности межевание начиналось с **прибытия землемерной команды**, состоящей из 12 - 15 членов, которые приезжали на повозках, из расчета по три человека - на подводу. Размещались в крестьянских избах на время работы в данном уезде. Какую-то оставшуюся часть продуктов привозили с собой. А недостающую - покупали на месте. В набор входили хлеб печёный, мука ржаная, масло постное и молочное, крупа, рыба, яйца, соль, несколько баранов. Для скота - сено, овес. Помимо рационов каждому полагались денежные выплаты соответственно чину.

Сохранился документ, обязывающий помощника землемера Ф. Шульгина возместить в казну конторы деньги, которые он не выдал двум солдатам из своей команды. Дело раскрылось совершенно случайно. Солдатики устроили побег, но были вскоре задержаны. При допросе они объяснили причину, рассказав об учиненных им обидах.

Межевые документы (полевые записки, рапорты, черные межевые книги, спорные дела и т.п.) в Кирилловском уезде Новгородской губернии, волости Липина Бора подписаны вышеназванным помощником землемера Федором Егоровичем Шульгиным, переведенным в Новгородскую межевую контору из Тулы.

Каким набором инструментов пользовались землемеры и он, в частности? В первую очередь, мерной цепью, которой солдаты или крестьяне обмеряли границы земельного участка. Данная цепь изготовлялась длиной в 10 сажень из железной проволоки диаметром 4 мм и состояла из 70 звеньев – колен. Через каждые десять или семь колен крепилась небольшая латунная бляшка с цифрой – номером сажени. Для ускорения дела, порой работало две пары людей, т.е. в четыре руки, т.к. нужно было выполнять установленный план по межеванию, часто без выходных. Позднее мерная цепь заменена легкой и простой в употреблении стальной лентой землемера (рулеткой). Другими, не менее важными приборами для измерения, являлись транспортир, циркуль, линейка и астролябия для измерения углов, главное, чтобы была привязка на местности, типа церкви или другого высотного ориентира. Находящийся рядом писец внимательно записывал результаты измерений, по которым в Чертежной делался простой геометрический план данной дачи с описанием. Вся работа велась в соответствии с положениями, параграфами межевой инструкции, количество которых достигало свыше 120 пунктов. За ударную работу землемер получал вознаграждение: денежное или повышение в чине (планка премий начиналась от десяти тысяч десятин). Ниже приведены отдельные документы из межевых дел по волости Липина Бора.

21.

«**Дело писцовой церковной земли церкви Живоначальные Троицы что на Липине Бору, отводная сказка, полевая записка и черная межевая книга**», поданное 7 июля 1780 года, содержит довольно подробный материал об участии людей, заинтересованных в межевании, самом его процессе, владениях соседей, граничащих с данной землей (на мой взгляд, отдельная информация и сегодня звучит актуально).

«Межевание в присутствии священника Ивана Алексеева, дьякона Михаила Федорова через сие объявление, что состоится в вышеуказанном уезде в Заозерском стану писцовой церковной земли во владении нашему, принадлежащее вышеписанной церкви земли... Угодья отводить будем по самой сущей справедливости...по прежней писцовой и межевым (книгам), только урочищам и по владениям твоим, входящим до 1765 году ... точно. Новые ...владения не захватываем, как и чужих земель, и не уступаем своих в постороннее владение...а в случае с соседями споров поступать будем совестно, тихостно (спокойно) и ответственно... При том отводе на землях засек, государственных пустых земель и выморочного недвижимого имения, где оные найдутся, ни для чего, конечно, не утаиваем.

Во время межевания на межу являться непременно в указанное время и с межи самовольно, без ведома землемера не отлучимся и (к) полевым межевым запискам и по окончании межевания и межевым книгам и планам руку прикладываем... Ссор, драк и никаких худых противных указом поступков оказывать не будем. В противном же случае подвергать себя всем предписаниям в межевых инструкциях положением»...

В данном деле указано, что **церковная земля соседствует с владельческими дачами д. с. с. И.М. Игнатьева, деревни Поньринская** общего владения капитана Евдокима Михайлова сына Сытина и прапорщика Александра Иванова сына Ратькова. Также с ней граничат отхожие **сенные покосы**, принадлежащие **к селу Муньга** общего владения капитана Евдокима Тихонова сына Сытина и владения вдовы помещицы Марфы

Яковлевой дочери Коротневой и помещика Дмитрия Степанова сына Ратькова. Проходит межевая граница по всем **дачам владения д.с.с. И.М. Игнатьева, пожням Васильева**, принадлежащих к деревне Васильевской общего владения майорши Ирины Ивановны Баршовой и поручика А.М. Дернова. Как и **пожни**, принадлежащие к деревне **Поньринской** общего владения капитана Е.Т. Сытина и прапорщика А.И. Ратькова; **покосы**, принадлежащие к **д. Горшевской**, владения д. с. с. **И.М. Игнатьева**. Подписан данный документ священником церкви Живоначальной Троицы что на Липине Бору Иваном Алексеевым и той же церкви дьяконом Михайло Федоровым.

В итоге землемер Шульгин пишет, что отмежевана писцовая церковная земля Живоначальная Троицы что на Липине Бору, владения церковно и священнослужителей, как и пустошь Федуринская (Федулинская) владения И. М. Игнатьева «К сея сказке кирилловского межевателя Данило Рябинин вместо поверенного Никифора Васильева по его прошению руку приложил».

22.

В «Деле деревни Горшевской действительного статского советника **Ивана Михайловича Игнатьева по спорному делу пустоши и Ребрикова починка**» сохранилось «Верящее письмо, поданное 14 мая 1780 года крестьянину Василию Яковлеву» от помещика И. М. Игнатьева (нам оно интересно, как один из образцов, по которому писались подобные письма).

«В прибытие определенных для размежевания в Кирилловском уезде земель землемером на дачи, принадлежащие к деревне моей Горшковской Горшевская тож и другие, состоящие в том уезде за мною дач и же пустошей тем землемером от межных владельцев их отводиты и при отводах со смежными владельцами своих дач быть, полюбовно с ними разводиться и полюбовно разводы подавать, а в случае несправедливого кем из-за дач моих отвода к своим владениям земли, споры объявлять и потом полюбовно с

ними разводиться, когда же необходимо будет, то в смежных канцеляриях и конторах челобитные подавать. К выпискам ...будет руку прикладывать и при слушании дел быть. Верю я тебе, и что ты учинишь. Спорить и прекословить не буду». Подписи И. М. Игнатьева и др.

Для полноты картины нужно добавить, что «Дело пустоши Ребрикова починка Ведомства коллегии экономии, сдаваемые в оброк от Кирилловского уездного казначейства, бывшего владения Кириллово - Белозерского монастыря» закончилось в пользу крестьян села Вашки. Под данным прошением с просьбой восстановить справедливость руку приложил (подписался) выборный Тит Степанов по просьбе крестьян, в том числе и мирского старосты Никифора Никитина, сотенного Козьмы Филипова, выборного Герасима Иванова.

Данная доверенность «Сие верующее письмо в Кирилловской нижней регистратуре явлено и подлинником в книгу записано под №65, что оное крестьянину Ивану Кирилову дано по мирному приговору и вместо мирских людей подписано священником Петром Григорьевым. В засвидетельствовании того подписали в 1778 году 9 июля заседатель Михайло Иванов, заседатель Егор Александров, заседатель Иван Бибицаров, заседатель...Тарасков».

23.

В «Деле по деревне Поньринской с пустошью Саврасовой общего владения капитанши Сытиной и прапорщика Ратькова» сообщается, что полюбовное размежевание дачи проведено 18 июля 1780 года. В следующем документе «Дело отхожих сенных покосов Борисовской Чищи, принадлежащей деревни Поньринской, владения капитанши Аграфены Артамоновны дочери Сытиной» сохранилась хозяйская доверенность, в которой повторяется та же главная мысль, как и в других подобных, не допустит волнений, смуты, недовольства населения. Отдельные выдержки из нее вашему вниманию: «не к чему объявлять споры,

когда необходимо будет, то к межевой канцелярской конторе челобитные подавати», «уверена, что ты, слушая дело, не будешь впредь спорить и прекословить», решать «полюбовно со смежными владельцами дач» и др. «Верящее письмо» от капитанши Аграфены Артамоновны Сытиной на часть ее владений поверенному ее крестьянину Никифору Васильеву подтвердили белозерский помещик секунд- майор Дмитрий Рындин (?) и кирилловский помещик поручик (неразборчиво). «Сие верящее письмо подписано точно ... госпожой и капитаншей Сытиной, в чем и засвидетельствовали». Федор Шульгин в Кирилловскую межевую контору доложил, что при межевании вотчины в 1786 году А.А. Сытиной в Кирилловском уезде Заозерского стану отхожие сенные покосы, пожни Борисовской Чищи, земли и сенные угодья до 1765 году принадлежали данной помещице, то есть господа имеют указанные владения и чужих земель не захватывали.

24.

В «Деле межевания сенных покосов на берегу Белого озера действительного статского советника Ивана Михайловича Игнатьева с протчими» указано, что межевание проведено помощником землемера Ф. Е. Шульгиным в июле 1780 года. Поверенный помещика крестьянин Василий Яковлев. Данные сенные покосы являются общим владением с капитаншей А.А. Сытиной, прапорщиком А.И. Ратьковым, вдовой майоршей И.И. Баршевой, поручиком А.М. Дерновым. Привожу длинную цитату, чтобы передать атмосферу тех далеких дней.

«В 1780 году 8 июля по полуночи в восьмом часу учинена межа в Кирилловском уезде Заозерного стану отхожие сенные покосы по озеру Белому общего владения от столба, поставленного при споре от межи села Знаменского Муньга тож» и т.д. Поверенной Сытиной – Григорий Михайлов, от церкви Живоначальные Троицы – священник Иван Алексеев, диакон Михаил Федоров, а от прочих владельцев поверенные для отводу в той даче не явились... Сверялись с посторонними («второнними») крестьянами, имена

вписаны в приказ при полевой записи». Подписано И.М. Игнатьевым, служителем Иваном Осиповым и концовка, типичная для такого рода документов. «К сей полевой записке села Вогнемы дьячок Илья Петров вместо понятых Абросима Паршина с товарищами по их прошению руку приложил». Хотя доверенные лица помещиков давали обязательство решать споры «полюбовно», на деле конфликты неоднократно завершались кровопролитием, дракой прямо на поле, когда не хватало доказательств. Примеров, довольно жестоких, сохранилось достаточно. После инцидента начальству следовал рапорт помощника землемера, серьёзное разбирательство и проверка всех архивных документов, включая писцовые книги на право землевладения. Примером является «Дело спорное по рапорту землемера помощника Шульгина о землях деревни Горшковской, пустоши Булышевского починка села Вашкия, пустоши Ребрикова починка Г.Г. Игнатьева, Уваровой, Боршевой и экономических крестьян». В названном деле приложен подробный рапорт в межевую контору Новгородского наместничества от кирилловского в должности помощника землемера Шульгина. Суть донесения в том, что при межевании дач помещиц вдовы Уваровой и Баршевой их поверенные крестьянин Иван Васильев и дворовый человек Иван Епимов затеяли спор, объявив, что с левой стороны началась земля их господ, пустошь Булычевский починок, который с давних лет «состоит в сильном завладении» крестьян села Вашкия с деревнями. Далее Шульгин сообщает, что крестьяне села Вашкия ранее подавали исковое челобитье в бывшую белозерскую провинциальную канцелярию, но в каком году именно оно подано, того показать не упомнят. Иван Кирилов (поверенный с. Вашкия) по незнанию своему показал на то место, обведенное на плане, по которому был спор, но та земля с давних лет у крестьян села на оброке от Кирилловского казначейства...

При спорном том объявлении бывшие (присутствующие) понятые, в том числе и Павлов с товарищами, спрашиваемы были под присягой, они показали, что за давностью и лесными местами о том не знают. По

записанию вышеозначенного спора по пустоши Булычева починка понятия были «призваны» и по силе землемерных инструкций 45 пункта увещеваемы (убеждаемы), но остались при своем показании, учинив рукоприкладство... Тот спорный их отвод значится на плане под литерами А, В, С, Д, а бесспорные владения Ребрикова починка на плане под №2... Данное спорное дело разрешилось быстро. Начато 1 января 1781, закончено 26 февраля того же года. По решению межевой конторы Новгородского наместничества помещицам Уваровой и Боршевой в иске отказано, а спорный отвод уничтожен. Межа учинена (сделана) в пользу крестьян села Вашки. Но были случаи, что уже после подачи жалобы на несправедливое межевание, стороны могли отозвать жалобу, договорившись между собой. В одном из прошений читаем, что «...развелись полюбовно по описанным в том прошении линиям и просекам». Просят утвердить «по тем назначенным местам в натуре формальные межи и апелляцию уничтожить». Нужно дополнить, что «за неправое челобитье (оговор) на землемеров» брались штрафные деньги с землевладельцев. Начальство защищало своих добросовестных работников и к их просьбам относилось внимательно, оперативно решая их. Один из примеров.

25.

В межевую Новгородскую контору из Твери перевели третьим членом секунд-майора Матвея Копьева. Он подал челобитную с просьбой оставить его в прежней должности землемера, т.к. в новой судейской должности будет получать жалования меньше, а у него шестеро детей и всего 18 душ крепостных. В просьбе Копьеву начальство не отказало. В казенном приказе по данному сотруднику (от 21.01.1779 года) трогательно и как-то душевно звучат слова, дающие и нам, людям 21 века, ориентиры в отношении поиска своего места, занятия в жизни. «...Не взыскивать ни одного сверх его возможности, но желаем, чтоб каждый трудился по собственной силе и способности, а ежели кто найдет себя несклонным ко возложенным на него

делам, то всякой ... и каждый может просить в службе такого места, в котором он находит силы свои уравниены...». В целом межевание волости Липина Бора прошло организовано, пусть и небесспорно. По крайней мере, в «Списке казенных земель, отрезанных за несправедливые споры и за не предложением крепостей» Новгородского наместничества отсутствует Кирилловский уезд.

В завершении данной работы «Русская Атлантида или неизвестная история деревень», основанной на архивных документах РГАДА, нужно отметить, что территория волости Липин Бор Белозерского, а позднее Кирилловского уезда, Новгородской губернии включала в себя совсем немного владельческих деревень, объединенных вокруг Погоста Троицы что на Липине Бору. Вышеназванной волости деревни Горшевская, Поньринская и земля церкви Живоначальная Троицы в 20 веке вошли в состав современного райцентра Липин Бор Вашкинского района Вологодской области. Местные жители испокон веков здесь занимались сельским хозяйством, рыбной ловлей, ремеслами, обустроивали землю, обретали личное счастье, не оставаясь в стороне от социально-экономических потрясений. Войны, которые вела Россия, отражались на жизни всех: и дворян, и крестьян... Вместе со страной край переживал подъем и упадок, опустошение и возрождение деревень. Но поколения, сменяя друг друга, сумели сохранить и передать нам, нынешним потомкам, самое главное - любовь к родной земле, упорство в стремлении преодолевать трудности, желание и умение трудиться и, без сомнения, веру, надежду на лучшее!

В работе использованы архивные документы Российского государственного архива древних актов (РГАДА).